

Введение: социальная динамика

«„Ничто не остается, как было“, - пел Ханнес Вадер ^{*} в одной из своих песен. То, что новое становится старым, есть повседневный опыт, заложенный в социальной реальности, которую люди переживают, познают и формируют всеми своими поступками и действиями». Так начинается написанное в начале восьмидесятых введение в социологию социальных изменений, целью которого было дать наглядное и дифференцированное описание специфических теорий, их развития, распространения и недостатков, ответив при этом на главный вопрос:

что же движет развитием общества?

В конце работы звучит трезвый вывод: «В своем современном теоретическом состоянии социология не дает подходящего и вполне удовлетворительного ответа на (вышеупомянутый)

вопрос..., т.к. полностью не исследована основная для теорий изменения и развития связь нормативных условий, материальных факторов и действий со структурами». (

J
ä
ger
, 1981,
S
. 141)

Более двадцати лет спустя, после ревизии большого количества новых и актуальных концепций [1], многое говорит в пользу предположения, что эта невыясненная ситуация в значительной мере существует и по сей день. Это впечатление подкрепляется, если обратиться к американской теоретической дискуссии. Морин Т. Халлинан заявляет о больших теоретических недочетах социологии социальных изменений. Она также решительно призывает к новому и принципиальному переосмыслению собственно социальных изменений. «Когда социологи выясняют, что современные теории больше не могут объяснять драматические социальные перемены последнего десятилетия (провал коммунизма, терроризм, демонтаж системы всеобщего благосостояния, викинг-югенд

^{*}
—

*

), когда нам кажется, что наши предположения о социальных изменениях не являются универсальной истиной, тогда ощущение несостоятельности наших теорий могло бы действительно привести к полной смене способов рассмотрения трансформационных процессов. Необходимы новые теории, чтобы описывать изменения общества, имеющего прямые глобальные связи, зависящего от экономического взаимодействия, высоко развитого технологически, и в котором неравномерно происходит распределение ресурсов». (

Hallinan

2000,

S

. 194)

Халлинан связывает большие надежды с новыми моделями математически и статистически формализованных теорий катастроф и хаоса, которые могут способствовать «...значительному прорыву в понимании социальных изменений». (Там же.) Насколько подобная оценка объединит толпу социологов, здесь обсуждению не подлежит. Впрочем, Ларс Клаузен, вслед за Вальтером Л. Бюлем (1971), предложил до сих пор почти непризнанный подход социологии катастроф в «Разительных социальных изменениях» (1994) и позднее в «Ужасающих социальных изменениях» (2003). Георг П. Мюллер (год издания не указан) также использует теорию катастроф для объяснения дискретных социальных изменений на примере законодательства о социальном страховании. Ориентация Петра Штомпки на «травматический» дискурс ведет в том же направлении: изменения сами по себе вызывают болевой шок для социальной и особенно культурной структуры общества, поскольку они внезапны, всеобъемлющи, фундаментальны и неожиданны. В нашем случае ориентация Халлинан на *новое начало* социологии имеет все же большее значение, т.к. она аргументируется низким уровнем современных аналитических возможностей.

Данная работа не призвана положить это новое начало, даже если оно действительно необходимо, ведь своим вердиктом «для выживания достаточно эволюции» (Luhmann 1984,

S

. 645) Луман настоятельно советует позволить свершиться тому, что и так произойдет.

[\[2\]](#)

Она претендует не на постижение социальных изменений путем конструирования новой теории, а скорее на проверку современных социологических теорий (общества) на их пригодность для анализа исследуемого здесь феномена. В конце концов, до сих пор недостаточно освещенное традиционными социологическими теориями изменений соотношение действия и структуры находится, например, в центре внимания теории структуризации Энтони Гидденса, а также является объектом размышлений Пьера Бурдьё о возможностях разработки общей социальной теории. Это вполне достаточный повод

«выкачать» и «поэксплуатировать»

[\[3\]](#)

информацию о значении социальных изменений у Бурдьё, Гидденса и других влиятельных теоретиков. По сравнению с притязаниями Халлинан это звучит довольно скромно, однако запланированный набег к современным титанам социологии не лишен риска, тем более что неизвестно, каким окажется его результат.

Исходным пунктом размышлений является эпоха, о которой поет Ханнес Вадер.

Шестидесятые, семидесятые, восьмидесятые и девяностые годы входят сегодня в историю также быстро, как и становились ею. Кажется, что история набирает ход, а частота событий стремительно возросла за последние четыре десятилетия. Под «историей» здесь подразумевается последовательность событий, которые многими воспринимаются именно как События: Биттлз, 1968 год, Вьетнам, падение Берлинской стены, война в Персидском заливе, распад Советского Союза и трансформации в странах бывшего восточного блока. Впечатление «ускоренности» не в последнюю очередь создается увеличением числа таких событий, какие экономисты социологи или историки даже не предсказывают. За одну ночь рушатся режимы, чью гибель едва ли кто решался предположить, а никем неожиданные кризисы угрожают расшатать экономическую и социальную структуру свободных промышленно развитых наций.

Очевидно, что в процессе такого развития потребность общества в ориентирах испытала огромные масштабы роста и создала стремительно расширяющийся рынок определений для данной эпохи. Если в период с 50-х по 70-е годы для рассмотрения общества на этом отрезке времени хватало всего нескольких «определений», например, «общество классов в плавленом тигле» (Теодор Гейгер, 1949), «нивелированное общество среднего класса» (Гельмут Шельски, 1965), «общество обслуживающих классов» Ральфа Дарендорфа (1975), то к началу 80-х годов период полураспада ярлыков значительно сократился. Вслед за провозглашением «постиндустриального общества» (Дэниел Белл, 1975) собственно, можно было ожидать «конца общества труда» (Клаус Оффе, 1983). Далее, в 1986 году Ульрих Бек поставил диагноз «общество риска», Питер Бергер нарек «деструктурированное общество классов» «постмодерном», Вольфганг Цапф (1987) просто констатировал рост «плюрализации», Штефан Хардиль (1987) провел основательную диагностику развития «от классов и слоев к положениям и кругам», а заключение Мартина Коли 1988 г. Звучало как «хронологизация и трехчастная биография».

В 90-е годы представители социальных наук еще раз активизировали свои попытки истолковать приметы времени. Получить представление об этих усилиях поможет набор определений и терминов, составленный Фридрихсом, Лепсиусом и Майером (1998): «информационное общество» (Зассен, 1991), «общество приключений» (Шульце, 1992), «общество знания» (Штер, 1994), рефлексивная «модернизация» (Бек/Гидденс/Лаш, 1996), «глобализация» (Бек, 1997), «гражданское общество», «общество конфликтов» (Хайтмайер, 1997), «общество ответственности» (Этциони, 1997) и «мировое общество» (Луман, 1997, Мюнх, 1998).

Создается впечатление, что ни ярлыки, ни какие-либо теории не способны полностью соответствовать характеру социальной динамики. Наоборот, актуальность изменений так стремительно обрушивается на любую теорию, что сразу же ставит под сомнение стабильность ее основ и понятий. Пожалуй, вообще не следует отрицать, что та совокупность действий, смыслов и значений, которую мы называем «обществом» приходит в ускоренное движение. Поэтому социология описывает важные изменения данной совокупности собирательным термином *социальные изменения*. Но полностью ли понимают этот процесс все поставленные эпохе диагнозы или они сами являются проявлением социальных изменений? Можно ли понимать изменения как притязания и позицию, связанные с ожиданиями, которые общество и общественность предъявляют к социологии? Фридрихс, Лепсиус и Майер отмечают, тем не менее, что «общественная «польза» социологии очевидно... гораздо меньше (заключается) в достоверном описании и технологическом воплощении знаний о причинах (...), чем в создании ориентиров для достижения целей». (

Friedrichs

/

Lepsius

/

Mayer

1998,

S

. 16)

Следует ли из этого, что в качестве своей первоочередной задачи социология как научная дисциплина должна ставить диагнозы времени и обществу и предлагать способы их объяснения? Без сомнения, описание и диагностика могут внести большой вклад в обсуждение социальных процессов, но пригодность социологических теорий для их объяснения тоже остается в центре внимания специалистов. Однако после провала великих теорий (марксизма, функционализма, структурализма и системной теории) объяснения, относящиеся ко всему обществу, даются все труднее и труднее. Преобладают ориентированные на определенные темы «теории среднего уровня»

(понятие впервые введено Робертом К. Мертон (1910 - 2003)) с ограниченной способностью к обобщению. К тому же социологическая теория определяется в настоящее время многообразием подходов, которые выступают как самостоятельные и исследуют собственные проблемы более или менее независимо от других.

Поэтому вопросы о том, вытесняется ли на самом деле старый индустриальный порядок новым социальным строем, базирующимся на знании и информации («общество знания»), действительно ли мы находимся на пути в «постмодерн» или даже вынуждены исходить из некоего «конца истории», решить без затруднений лишь при помощи системы завоеванных социологией позиций очень трудно. Но если брать за основу то, что общества находятся в ускоренном движении, то исследование социальных изменений, постоянных трансформаций обществ само по себе становятся задачей социологии.

В прошлом социологические теории часто различали по тому, считалось ли в них необходимым объяснять либо стабильность и порядок, либо изменения и конфликт, и если да, то в какой степени. Теории действия и системно-функциональные теории, особо заинтересованные в вопросах социального порядка и его стабильности, считались теориями интеграции и порядка, в то время как поведенческие теории (микросоциология) и исторический материализм (макросоциология) характеризовали теории изменений и конфликта. Согласно сегодняшнему пониманию, стабильность и изменения представляют собой всего лишь две стороны одного и того же процесса. Они позволяют объяснять трансформации социального поведения или социального действия и даже общества в целом - однако с противоположными признаками - они пригодны для объяснения стабильности социальных феноменов.

Этот факт влечет за собой вопрос: *чего достигли современные социологические теории и их аспекты как теории о социальных изменениях?*

Цель последующих размышлений: наглядно представить затерявшиеся среди теории исторического материализма, сетевой акробатики постмодерна и эзотерики системной теории новые социологические концепции, которые описывают и «объясняют» динамику социально-экономической реальности и призваны тем или иным способом отыскать модели подходов к конструированию трансформационных процессов.

Итак, теории социальных изменений охватывают чрезвычайно широкий спектр проблем,

он разнообразен настолько, насколько разнообразны сами социальные науки, и разрабатывается не только в социологических, но и в политологических, экономических, культурологических, антропологических и других теориях. Мы остановили наш выбор исключительно на *социологических концепциях*; он не продиктован никакой специфической научно-теоретической или прагматической ориентацией. Согласно кратко описанной выше дискуссии, аналитическое упорядочение процесса формирования современных моделей и теорий представляется практически невыполнимым. (Может быть, только на данный момент?) Обсуждаемые здесь теоретические подходы даже не дают возможности составить общее мнение о современном социологическом мышлении. Они были избраны только из стремления, с помощью выдающихся примеров, создать представление о широте теоретических работ, которые обязуются вести далеко идущий эвристический поиск с целью анализа процессов социальных изменений и, кроме того, обеспечивают первое знакомство с возможностями описания и объяснения, предлагаемыми новыми теоретическими подходами. Для этого необходимо вначале описать различные концепции, а затем обратиться к проблеме их критического рассмотрения. Вместе с тем, в ходе представления подходов, планируется их сравнительный анализ, по меньшей мере, ради ответа на вопрос, каким образом общество и социальные изменения становятся предметом познания.

Однако уже простое описание теорий сталкивается с принципиальной проблемой: с течением времени теоретические концепции и парадигмы развиваются не без внутренних противоречий и переломов. Причина этого заключается в том, что, во-первых, различные «апологеты» одной теории представляют разные варианты этого подхода, а во-вторых, тот, кто отдает предпочтение какой-либо определенной концепции, в ходе развития своего мышления вынужден пересматривать свои взгляды. Кроме того, теории изучают такие разные на первый взгляд предметы, как социальное действие, социальное поведение, социальная система и общество, которые, казалось бы, соотносятся с различными по объему сферами. Как следствие, всеобъемлющие изложения теорий оказываются по большей части неясными, сложными и в высшей мере условными, а поверхностные наброски или краткие очерки, напротив, предлагают упрощенные толкования или совсем искажают их содержание. Таким образом, сложность состоит в том, чтобы отыскать путь между «Сциллой» неясности и «Харибдой» поверхностности.

Прежде всего, в центре внимания книги находится попытка осмысления *социальных изменений* на
понятийном уровне. Вслед за ним, после краткой заметки об общих трудностях

формирования моделей и теорий, идет разбор некоторых значительных парадигматических и теоретических традиций, которые уже подготовили принципиальные перспективы и ориентиры для современной социологии. После краткого обсуждения пяти избранных теоретических традиций становится «легче» очертить контуры актуальных попыток создания теории - попыток, которые всегда направлены на преодоление «классических» дихотомий и дуализмов и на сведение воедино различных теоретических течений.

1.1 Понятие «социальные изменения»

В социологии «социальные изменения» [\[4\]](#) представляют собой, пожалуй, одно из самых элементарных понятий. Как самостоятельная наука, дисциплина «социология» развивалась преимущественно вслед за коренными трансформациями общества, в ходе которых люди учились воспринимать изменчивость социального порядка. Предпосылкой возникновения социологии было открытие человечеством того, что распорядок социальной жизни создается не некоей трансцендентной силой и не осуществляется «по божьей воле», а скорее обладает собственными закономерностями, но, тем не менее, может быть изменен и сформирован людьми. Только благодаря этому становятся, например, ясными понятие и идея, теория и программа повсеместно восхваляемой *самоорганизации*. (Jäger 2002b)

) Тогда неоспоримым является предположение, что все социальные явления имеют масштаб исторических и изучать их следует с точки зрения их способности к изменению. Следовательно, термин «социальные изменения» относится к основным понятиям социологии и в настоящее время понимается, прежде всего, как своего рода «хранилище» определений, которыми обозначают разнообразные социальные процессы.

Понятие было введено в теоретическую дискуссию Уильямом Ф. Огборном в 1922 году, чтобы избежать проблемы заимствования «достойных» формулировок из философии и истории. «Прогресс» казался слишком объемным понятием для науки, а в терминах «эволюция» и «развитие» подразумевалась, по-видимому, специфическая целевая установка социальной динамики. С тех пор выражение «социальные изменения» является общепринятым для обозначения значительных изменений важных элементов

социальной системы. Эти изменения можно называть «модернизацией», «развитием», «трансформацией» или «эволюцией». (Schelkle et al. 2000)

Как и в других науках, основные понятия в социологии часто перекликаются (например, болезнь и здоровье в медицине), либо им нельзя дать определения независимо друг от друга. Такая взаимосвязь очевидна уже в рамках формирования «классических» категорий. У Огюста Конта это «порядок и прогресс», у Карла Маркса - «производственные отношения и (растущие) производительные силы», у Эмиля Дюркгейма - «солидарность и (прогрессирующая) дифференциация», у Макса Вебера - «господствующий порядок и (растущая) рационализация». Сегодня их место заняли более абстрактные концепты, например «социальная структура» или «социальные изменения», с их помощью постигаются разносторонние процессы упорядочивания и изменений. Познать *изменения* можно только при помощи таких понятий как стабильность или социальная структура, при этом «структурой» в первую очередь обобщенно называют относительно стабильные образцы социального действия и социального взаимодействия.

Определение содержания социальных изменений в первую очередь затронет те аспекты, которые в специфической теоретической перспективе рассматриваются либо как структура, либо как ее значительный элемент. К примеру, если структурный функционализм трактует изменения социальной системы как «изменение систем ценностей», а теория конфликта видит социальные изменения в трансформациях позиций власти, то другие подходы определяют их скорее как изменения социальных отношений и т.д. Попытки дать всеобъемлющее определение редки и зачастую спорны. Например, у Грау: **«Социальными изменениями» обозначают совокупность изменений общества, включая его структуру, окружение, иерархию позиций, ролей и статусов, сеть социального взаимодействия его членов, иерархию господствующих ценностей и т.д. Наряду с изменениями отдельных феноменов или сфер выделяют изменения социальной системы в целом** ».

(Grau
1973,
S
. 48)

При внимательном рассмотрении бросается в глаза, что здесь речь идет не о социальных изменениях в узком смысле, а скорее о социально-культурных изменениях. Такое определение понятия охватывает как изменения структурных элементов системы, так и трансформацию культурных ценностей и норм. К тому же в нем обобщаются «единицы» или «объекты» изменений, в основе которых лежат различные «понимания» структуры. Кроме того, здесь объединяются разнообразные уровни агрегации этих

«единиц». Широта подобного определения должна выделять и другие аспекты: например, вопрос о взаимосвязи социальных и культурных изменений, вопросы о направленности изменений, о повороте в их тенденциях и т.д. В конце концов, необходимо выяснить, можно ли предсказывать социальные изменения и управлять ими. Взгляды на то, как происходят социальные изменения, основываются, прежде всего, на сравнении социальных структур и культурных образцов до и после их трансформации. При этом следует учитывать различные виды изменений: изменения, происходящие в разные временные периоды, также изменения в социальных единицах разного порядка и, наконец, постоянные и дискретные изменения.

Поэтому Висведе (1991) считает полезным, выделять различные формы социальных изменений по следующим критериям:

- по *значимости*: незначительные (мода, флуктуации, колебания конъюнктуры) и значительные (демократизация политической структуры);
- по *объему*: частичные (затрагивающие лишь экономические структуры) или тотальные (всеобщая модернизация);
- по *способу возникновения*: эволюционные (долгосрочные и постепенные) и революционные (внезапные и взрывные);
- по *управлению*: запланированные или незапланированные (однако и при планировании возникает проблема нежелательных побочных эффектов);
- по *причинам*: однофакторные (последствия возникновения новой религии) и многофакторные (разнообразные причины индустриализации);
- по *следствиям*: функциональные (поддерживающие систему) и дисфункциональные (неблагоприятные для системы), но, очевидно, они подходят в качестве критерия лишь тогда, когда учитывается некая фиксированная точка (равновесия) системы».

С точки зрения *времени* Висведе также выделяет в качестве идеального типа формы линейных, ступенчатых, зигзагообразных, циклических, многолинейных, и эпизодических изменений.

Цапф (1986) обращает внимание на *уровни* социальных изменений - *микроуровень* социального действия, *промежуточный уровень* групп и организаций и *макроуровень* общества в целом, а также на играющий важную роль в дискуссии о трансформациях ценностей *уровень установок* и на центральный для классиков *уровень цивилизаций*. Он видит задачу социологии в описании, измерении и объяснении *масштабов (темпа, глубина, направление* и *управляемость)* социальных изменений на всех этих уровнях.

Однако усилия как можно шире охватить процессы трансформаций наталкиваются на две принципиальные проблемы. Для теоретического описания значимых перемен необходимо, *во-первых*, выявить в прошлом периоды относительной стабильности, с которыми можно соотнести трансформационные процессы. Перемены становятся видны только на фоне стабильности, и только тогда их можно назвать таковыми. Но это означает, что представление о том, что социальные условия меняются, и о том, как они меняются, постоянно связывает толкование прошлого с характеристикой настоящего. Но такой метод превращается в парадокс, если с одной стороны, социальные условия настоящего становятся частью вопросов, анализа важности и отбора фактов, т.е. интерпретации прошлого, а с другой стороны, если реконструированное подобным образом прошлое должно *объяснять* настоящее.

Во-вторых, непосредственно в реальности нельзя увидеть определения происходящего в целом и факторы, призванные определять тенденции или направление процесса в частности. Если естественные науки добиваются прогностической и технической эффективности благодаря приему изменения условий эксперимента для установления влияния определенных переменных на общий результат, то в социальных науках и речи быть не может о подобной экспериментальной вариации, хотя бы по причине

однократности исторических событий. Здесь мы вынуждены обратиться только к чисто теоретическому, абстрактному анализу данных.

1.2 Проблемы теоретизирования

Теоретический анализ данных в социальных науках сталкивается с множеством проблем. Как известно, в изменениях задействованы различные сферы, элементы, формы отношений и агенты, и они подчиняются взаимодействию всяческих динамик и «логик». Простой взгляд на существующие феномены демонстрирует многообразие определений, которые используются постоянно и одновременно: идеальные и материальные факторы, политические, экономические, культурные и социальные причины, объединения субъектов деятельности, учреждения и организации, индивидуальные мотивы и коллективные цели, осознанные и неосознанные стимулы и т.д.

Чтобы разобраться во всех сложных связях, но не постигать очевидные, люди разрабатывают модели, т.е. упрощенные и стилизованные пояснения. Социологи изучают реальные общества по большей части при помощи «системной модели», которая в зависимости от трактовки отодвигает на задний план или отбрасывает, освещает или выделяет различные аспекты, части, сферы, события и элементы действительности. Таким образом, всегда находятся определенные составляющие реальности, которые игнорируются или рассматриваются как менее значимые. И какие бы классификации и рассуждения ни предпринимались в целях экономии мыслительной деятельности, упрощения и увеличения количества результатов познания, они постоянно оказываются лишь верными с определенной степенью неточности. К тому же в таких упрощающих вспомогательных конструкциях как ключевые понятия, модели, парадигмы и т.д. заключается опасность чрезмерной интерпретации и переоценки важности, если требовать от них большего, чем они могут и готовы дать.

Чтобы суметь понять социальные изменения в таком объеме, необходим высокий уровень теоретической абстракции, на котором вновь возникает опасность появления теории со слабыми научными положениями или незначительной относительно тех социальных феноменов, которые она призвана толковать. Поэтому ни одна *отдельная или единая*

теоретическая программа, какой бы сложной она ни была, не способна связать и систематизировать множество разрозненных сфер, уровней и факторов. И не удивительно, что в результате усилий науки образовалась масса проектов и подходов к теоретическому обследованию трансформационных процессов и социальных изменений. Тем не менее, даже сейчас большинство социологических теорий едины, по меньшей мере, в том, что социальные изменения следует понимать как трансформации социальных структур. Однако взгляды на то, нужно ли и можно ли вообще объяснять социальные изменения, существенно менялись в ходе развития дисциплины и превратились в противоположные и противоречивые точки зрения.

На «восходе» социологической теории, ссылаясь на философию истории, исходили из наличия *всеобъемлющего исторического* процесса развития. Следовательно, каждая ступень эволюции общества могла пониматься

к

как стадия духовного прогресса человеческого общества (Огюст Конт), как момент процесса дифференциации космоса (Герберт Спенсер) или как фаза истории классовой борьбы (Карл Маркс). Изменения и направление развития социального следовали, согласно данной позиции, «законам

конечного

развития». Благодаря Эмилю Дюркгейму социология приблизилась к «идеалу» (естественной) науки, и были предприняты попытки

объяснять

причины

социальных изменений как следствий эндогенных или экзогенных трансформационных сил. Для этого необходимо сначала определить условия социальной интеграции и стабильности, чтобы потом, в качестве следующего шага, прийти к суждениям о развитии общества. Со времен Дюркгейма настоящая

социологическая

теория социальных изменений обязана следовать принципу толковать «социальное, исходя из социального», и, таким образом, объяснять развитие и динамику общества наличием структурных механизмов.

Объясняющая

социология считает, что существуют законы структурных изменений общества (макроскопические законы), которые необходимо обнаружить или реконструировать.

Немецкие социологи той эпохи тоже отказались от понимания социологии как

философии истории и всемерно защищали *идеал точной науки*. Если для историка важны отдельные факты и обстоятельства, то социологу, по их мнению, предстоит решить задачу поиска более значительной

систематичности

в эволюции общества. Они употребляли слово «социальный», имея в виду «позитивное» значение определенной социальной связи. Уже Фердинанд Тённис, создавший модель постепенной замены общинных связей связями общественными, чувствовал себя обязанным идеалу

рациональной ясности

и выступал за теоретическую, прикладную и эмпирическую социологию («социографию»). Георг Зиммель выдвинул в своей

формальной социологии

человеческого «взаимодействия» трактовку совместной жизни как динамичного феномена и определил общество как научно познаваемую совокупность взаимодействия и отношений. Работа Макса Вебера над

Основными понятиями социологии,

его анализ классов и сословий, легитимности и бюрократизации даже сегодня предоставляют сегодняшнему теоретику такие концепции и модели, от которых немыслимо отказаться.

Затем Толкотт Парсонс предложил разработанную в соответствии со взглядами Вебера теорию общества, которая одновременно стала универсальной теорией социальных изменений. На общей основе теории о системе действия он развивает свою теорию общества как теорию дифференциации и эволюции, обращаясь к представлениям о динамическом равновесии. С ее помощью он смог понять, что образование «современных обществ» есть повышение их адаптивных возможностей («adaptive upgrading»).

Универсальность его теории обеспечила возможность создания междисциплинарной программы по исследованию модернизации и многие годы она представляла собой самую влиятельную концепцию социальных изменений.

Но с течением времени данная «парадигма социальных изменений» оказалась объектом критики, которая выявила многочисленные методологические аномалии теории. Она была направлена в первую очередь против лежащей в ее основе модели равновесия, против гипотезы о консенсусе по ценностям и правам в интегрированном обществе, против реконструкции закономерностей структуры и эволюционистской модели процесса развития как увеличения сложности и эффективности. В связи с этими и более старыми противоречиями (такими, как конфликтологический и кибернетический подходы и подходы теории исторического материализма) развернулся активный поиск альтернатив (ср. Müller, Hans-Peter/Schmid, Michael, 1995). Более радикальные противники парадигмы либо полностью отвергали гипотезу о *закономерностях*

структурных изменений, либо требовали реконструировать структуры и «социальное» исходя из индивидуальных действий

.

В то время как одни отвергают, таким образом, притязания социологии на объяснение и пропагандируют чисто историческую социологию (однако, чье независимое существование наряду с историческими науками трудно обосновать), другие отказываются от принципа объяснять «социальное, исходя из социального». Теории социальных изменений следует тогда воспринимать как теории о пользе, о мотивациях или как теории индивидуального обучения (что в таком случае вызывает вопрос о наличии социологической специфики).

Но большинство социологов не было готово к отказу от *объясняющей функции социологии*, напротив, некоторые, а прежде всего, Вольфганг Цапф, еще в 1969 году ожидали, что «разногласия функционализма», противоречие между такими комплексами понятий, как «интеграция, консенсус, ценности, равновесие» и «конфликт, угнетение, санкции, изменения» могли бы разрешиться в рамках более объемной понятийной схемы, чьи границы уже становятся видимыми». (

Zapf

1979/1969,

S

. 20) В свое время автор надеялся, что макросоциологии Амитая Этциони удастся, наконец, «открыто объединить структурно-функционалистский, конфликтологический и кибернетический подходы». (Там же,

S

. 21) Кроме того, в таких разработках как системная теория Никласа Лумана, по-видимому, наметилось разрешение «противоречия между индивидуализмом и коллективизмом», «которое в настоящее время еще позволяет сосуществовать различным парадигмам». (Там же.)

Эти надежды оказались необоснованными и по большей части обманутыми. Поскольку именно усилия оценить по достоинству упреки в сторону универсальной теории развития, не отказываясь при этом от возможности социологического объяснения, привело к существенному ослаблению старой парадигмы. В 1995 году Мюллер и Шмид, в конце концов, установили полный развал ортодоксальной парадигмы и ее растворение «в новых концепциях дифференциации, структуризации, культуры, отбора, в подходах к теории динамики, экологии популяций и институциональной теории». Сегодня Цапф также исходит из того, «что единой теории социальных изменений не предвидится...» (Z

арф
1994,
S
. 14).

В интересах проверки теории социальных изменений в первую очередь, по мнению Мюллера и Шмида, следует дважды переформулировать трансформирующую ее теорию универсальной эволюции. Во-первых, пишут они, больше неприемлемо представление о том, что развитие происходит на основе глобальной, охватывающей все общество и к тому же зависимой от окружающей среды динамики управления, а во-вторых, дальше уже невозможно пытаться объяснить процессы в обществе без обращения к точке зрения задействованных субъектов на данную проблему. (Müller/Schmid 1995, S. 28)

Альтернативные классической теории структурной эволюции и дифференциации и теории нелинейного развития подходы, а также новые социологические теории функциональной дифференциации должны сегодня обязательно прийти к соглашению о том, что при анализе общества больше нельзя безоглядно опираться на такие концепции, как класс и слой, дифференциация и функциональная интеграция. Социальная реальность кажется одновременно и изменившейся и избежавшей вмешательства всех (существовавших до сих пор?) систем ее толкования. Представители дисциплины давно жалуются на то, что социология со своим теоретическим арсеналом больше не в состоянии обнаруживать структурные и институциональные причины проблем, характеризующих современность.

1.3 Кризис социологической теории?

Итак, на первый взгляд может показаться, что состояние социологической теории соответствует состоянию современного общества. Общество обсуждает новые концепции производства и новые формы сознания, новые этические модели и новые социальные движения. Даже больше: на основе усовершенствованных навыков создания языковых символов и образов и воздействия на представления и потребности утверждается, что мы уже находимся в некоем новом типе культуры и общества. Сегодня еще, пожалуй, существует «современное» общество в том виде, в каком его смоделировали, например Толкотт Парсонс и Ральф Дарендорф, но его основы находятся, по общему убеждению, в «критическом состоянии» или вообще в процессе распада. Таким образом «кризис современности» становится «кризисом общества труда», «кризисом социального государства», «кризисом семьи», «экологическим кризисом». А вследствие процессов «глобализации» и «индивидуализации», по мнению некоторых современников, вообще следует рассчитывать на полное исчезновение общества. Может быть, тогда и социология, пребывая в критическом самолюбовании и сожалея, например, о кризисе дисциплины, лишится своего предмета? В конце концов, не настигла ли социологию динамика «процесса модернизации», известная своими кризисными качествами? Не угрожает ли дисциплине и предмету ее интереса полное исчезновение?

Прежде всего, существует два обстоятельства, выявляющих относительный характер такого рода опасений. Во-первых, «общество» не является обязательным основным понятием дисциплины; для большинства социологов важнее социальные отношения, социальная структура, институты и культура общества. А во-вторых, диагнозы, приписываемые нашему времени, недостаточно убедительны до тех пор, пока в их основу не будет заложена вооруженная методами объяснения теория изменений, на которую могло бы опираться такое развитие событий. Но как же социология может справиться со своей классической ролью - желанием постигать современность, новейшие тенденции развития мира? Ближайший путь для этого - дальнейшая разработка и совершенствование такого инструментария (состоящего из терминологии, теории и методологии, а также из их комбинирования при применении в исследованиях), который служит социологам для реконструкции и анализа социальной реальности. Поэтому, на примере нескольких новых теории должно выясниться, насколько успешны такие усилия. Взгляд на историю развития идей и движущих сил и на историю науки показывает, что признаком социальных наук и особенно социологии являются теоретические и методологические дихотомии: позитивистские и идеалистические, субъективистские и объективистские, индивидуалистические и коллективистские, объясняющие и понимающие, а также микро- и макросоциальные или ориентации и подходы теорий действия, структуры или системы. За последние 30 лет можно отметить растущий интерес к проблемам и концепциям их интеграции. Здесь наряду с имманентным развитием самой науки решающими могут стать также политические и идеологические трансформации.

Новые социологические теории тоже выделяются своими попытками преодолеть при помощи интегрирующих концепции влияние упомянутых дихотомий или дуалистических направлений, а также стремлением объединить теоретические традиции и течения, хотя классики социологии до сих пор снабжают современного теоретика концепциями и моделями для его «теоретического конструктора», от которых еще во многом трудно отказаться. Вначале можно бегло обрисовать только границы и контуры того, что сегодня понимается под социологической теорией: социологическую теорию следует отделять от теории общества, которая охватывает «целое» как таковое или включает в себя некую «тотальность». К тому же любая социологическая теория социальных изменений должна сохранять свою научную самостоятельность по отношению к изложению истории и также не может быть исторической теорией. Однако доктрины обоих самых влиятельных с начала 70-х годов социальных теоретиков Германии не совпадают с тем пониманием, которое здесь трактуется как социологическая теория. И «теория коммуникативного действия» Юргена Хабермаса, как попытка создания теории современного общества, и «теория социальных систем» Никласа Лумана, как единая дисциплинарная «супертеория», выходят далеко за пределы целенаправленного формирования социологической теории. Оба крупных предприятия по производству теорий больше удовлетворяют насущную потребность в систематической, касающейся всего общества и превосходящей все социальные науки теории. Вероятно, они унаследуют судьбу марксизма и критической теории (правда, лишь в этом понимании). Но социологическая теория *также не может* раствориться в том понимании науки, которое стремится к идеалу объяснения, а по возможности и предсказания с помощью общих закономерностей процессов, всеобъемлюще и глубоко затрагивающих общество. Упомянутая выше сложность общественных процессов, множество важных факторов, влияющих на их условия, нелинейность динамики, лежащей в их основе, и пр. делают невозможным теоретическое понимание таких процессов в качестве системы. Кроме того, социолог, проводя структурный анализ или анализируя жизненные миры, постоянно имеет дело со структурами условностей и феноменов, с представлениями о действительности и взглядами на мир. Поэтому специфику социологической теории предварительно и очень плакатно можно сформулировать как «научную реконструкцию социальных конструкций (социальных отношений, социальных структур и жизненных миров) в условиях трансформации». Но после описания новых концепций, с чьей помощью социологи собираются изучать формы проявлений, условия возникновения и последствия совместной жизни людей, может представиться возможность более точного определения.

В связи с этим, во-первых, чтобы избежать в высшей степени условного, неясного и сложного общего изображения теорий, и при этом не искажать их поверхностным описанием и упрощением, а во-вторых, чтобы вообще выделить «новое» в *новых социологических теориях*, необходимо сначала создать своего рода «фон», на котором будут выделяться или отделяться актуальные усилия по созданию теории. Так станут яснее своеобразие и

цели каждой из них. В качестве фона будут служить краткие наброски тех традиционных направлений теории и парадигм, которые по сей день смогли сохранить большую часть своей значимости и актуальности, чьи положения каким-либо образом разделяются или применяются современными теоретиками.

2. Теоретические традиции социологии

** Ханнес Вадер (род. 1942) - известный немецкий бард и гитарист. (Здесь и далее звездочками отмечены примечания переводчика.)*

[1] напр.: Mayntz 1995, Müller 1995, Müller/Schmid 1995, Zapf 1996, Berger 1996, Weymann 1998, Welzel/Inglehart/Klingemann 2001, Glatzer/Habich/Mayer 2002 и т.д.

** * Wiking-Jugend (WJ) - самая многочисленная неонацистская молодежная организация, основанная 1 мая 1950 г. Запрещена Министерством внутренних дел ФРГ 10 ноября 1994 г. К этому моменту викинг-югенд насчитывала 400 - 500 членов.*

[2] Являлась ли увязка этой точки зрения с важным для творившего около 250 г. до н. э. проповедника Саломо (3, строфы 1 - 15) теологическим познанием *невозможности управлять всем происходящим*

лишь смелым, но бесполезным предприятием, должно было установить специфическое восприятие Луманом социальных изменений, которые преимущественно подразумевают социальную дифференциацию и увеличение сложности. Согласно Саломо, всему происходящему в любом случае свойственны (установленные Богом) *определенность и момент времени, в который оно совершается.*

Одна из мудростей гласит: «всякому овощу свое время, и всякому начинанию на земле указан свой час: рождению свое время, смерти свое время;... исканиям свое время, потерям свое время;... молчанию свое время, речам свое время; любви свое время, ненависти свое время, спорам свое время, миру свое время. Как ни старайся, не выгадаешь ничего... То, что вершится, уже было давным-давно, и то, что будет, тоже было давным-давно; и Бог возвращает, то, что прошло». (

Salomo

1990,

S

. 257

f

)

[3] Естественно, что у такого методического подхода есть предшественники. Так, например, нечто подобное предприняли Рудольф Штихвее (1988) и Ренате Майнц (1995) при исследовании теории социальной дифференциации как теории социальных изменений. Однако, отличие от выбранного нами метода заключается в том, что теория социальной дифференциации практически не является единой, а скорее охватывает большое количество различных по содержанию и возникших в течение длительного периода времени работ Герберта Спенсера, Нейла Смелзера, Толкотта Парсонса и Никласа Лумана, а также Шмуэля Айзенштадта, Дитриха Рюшемайера и др. Здесь же основной упор делается, наоборот, на концепции, *связанные с отдельными теоретиками общества*, которые именно по причине своей *самостоятельности*

не сводят множество вариантов теории дифференциации, понимаемое как комплекс теорий, к общему знаменателю, но, как будет показано на примере теории Бурдьё и его понимания социологии, постоянно держат в поле зрения

дальнейшую практическую разработку компонентов теории посредством исследований.

Впрочем, анализ Майнц дает скорее негативную оценку способности теории социальной дифференциации, рассматриваемой в качестве теории социальных изменений, объяснять социальную реальность. «Совершенно независимо от того, принимаются ли суждения теории дифференциации о

виде

социальных изменений или нет, ... по меньшей мере,

каузальные

высказывания ее лучше всего разработанного варианта, системной теории, в существенной мере недостаточны, чтобы можно было объяснить реальные структурные изменения». (

Mayntz 1995, S. 149)

[4] Этимологический анализ понятия, предпринятый Робертом Смайгертом (2001), наталкивает на некоторые выводы. Существует специфическая фаза формирования значения в XVIII и XIX вв., которая, очевидно, берет свое начало во времена эпохи Просвещения, но соответствует современному самосознанию общества. К ней относятся слова «социальный», «динамика», «развитие», «прогресс». Однако выделяется и вторая группа понятий, которые первоначально обозначали феномен движения: «движение», «изменение», «перемены», «действительность». Если не принимать во внимание то, как изменялось употребление этих понятий с течением времени и в ходе истории развития идей и движущих сил и попытки объединить различия первоначальных значений, то в ядре значений слов обнаруживаются следующие элементы: выбор иной возможности и необходимая для него предпосылка «осознанного» волевого решения. Из этого следует, что «социальные изменения» - это явно сконструированное понятие, характеризующее притязания показать воздействие различных идей и движущих сил на историю, а также общее восприятие «выбора направления» из множества возможностей. Можно заключить, что в этом отношении, понятие «социальные изменения» уже в начале XX века стало отдаляться от идейно разоблаченной «метафоры прогресса», но, тем не менее, до сих пор обязано своим существованием тому, что первоначально отвергло. Это опять таки вызывает следующие вопросы. Является ли социальное само по себе атрибутом изменений? Следует ли из этого, что главное - это изменения, а социальные изменения - только одно из их проявлений? Не задаться ли нам сначала вопросом об изменениях, а потом уже давать определения их социальному характеру? Или же мы рассматриваем изменения только как атрибут социального, исходя из того, что в обществе следует вести поиск такого стабилизирующего фактора, который как раз и позволит ощутить перемены? Станет ли тогда понятие «изменения» лишь словесной оболочкой для обозначения подвижек в обществе? Ответы на эти вопросы (частично) даны в нижеследующем тексте.